

Приложеніе къ Запискамъ К. Н. Лебедева.

Подарокъ ученымъ на М. Д. СС. XXXIV годъ.

Ergo, мотай себѣ на усъ.

О ЦАРЬ ГОРОХЪ.

Когда царствовали государь царь Горохъ, гдѣ онъ царствовалъ и какъ царь Горохъ перешель, въ преданіяхъ народовъ, до отдаленнаго потомства. Въ Московской Университетской типографіи 1834 (цензурное дозволеніе И. Снигирева 22 Декабря 1833 года).

Чрезвычайное засѣданіе Философовъ, Историковъ, Естетиковъ.

Царь Горохъ доселѣ живетъ въ присловіяхъ и сказкахъ. Его нельзя сравнить съ Попомъ Ивановъ, котораго Русскіе полагаютъ въ Африкѣ и къ которому въ Азіи было множество миссій съ Запада. Объ немъ теперь толки нашихъ ученыхъ. Вотъ перечень засѣданія.

Секретарь (восходитъ на кафедру и читаетъ). Знаменитые г.г. засѣдатели. Во имя Науки, которой совершенствованіе есть главнѣйшая и священнѣйшая наша обязанность; во имя Національной Славы, даруемой единственно за умственное творчество; во имя Исторіи, Философіи и Естетики, трехъ сестеръ, трехъ Музъ новѣйшаго Парнасса; по волѣ знаменитаго бакалавра, я избранъ предложить Историко-Философическо-Художественный вопросъ на разрѣшеніе ваше: что такое Царь Горохъ? Гдѣ, когда и точно ли былъ Царь Горохъ? Реальное и идеальное значеніе Царя Гороха. Знаменитые засѣдатели отъ А до Ω должны подать свое мнѣніе. Перечень сихъ мнѣній мы завѣщаемъ потомству.

А*). Сколь ни боязненно для меня начать рѣшеніе столь великаго вопроса, сколь ни откровенно сознаніе моего безсилія, но занятія и вызовъ окрыляютъ меня въ семь трудномъ дѣлѣ.

Народныя преданія—первый источникъ лѣтописца, камень преткновенія для критики—всегда облечены туманомъ аллегорій, сквозь который трудно

*) М. Т. Каченовскій.

провидѣть и проницательному взору историка. Воззрѣнія нашего времени, стремящіяся къ разрѣшенію неразгаданнаго, нерѣдко попускають заблуждаться юному уму и предають его мученіямъ мечтательности, нерѣдко самые очевидные анахронизмы принимаютъ за подлинныя; нерѣдко самое нелѣпое облекается въ ткань достовѣрности; но при сихъ ошибочныхъ воззрѣніяхъ, принявшихъ договоры Игоря и Олега, Русскую Правду и Несторову Лѣтопись за факты (но объ этомъ послѣ), опытность слѣдуетъ вѣрной стѣзѣ: съ пламенникомъ критики она входитъ въ лабиринтъ сказаній, циркулемъ точности измѣряетъ дедалы преданій и мѣрою сомнѣній пересыпаетъ груды баснословій. Надобно порыться, почитать, подумать: Правда ли? Есть ли въ другихъ странахъ Цари Горохи? Сомнительно. Не впадима въ обманъ; прошедшее невѣрно, можетъ стать болѣе, нежели самое будущее.

Царь Горохъ не то, что Дагоберъ (*du temps du roi Dagobert*) Французъ. Горохъ не существуетъ ни въ фактахъ, ни въ комментаріяхъ, ни въ святцахъ. Царь Горохъ есть порожденіе грубой фантазіи, которая не поэтизировала дѣйствительныя событія, но искажала оныя. Отсюда: куны, гривны, смердь и проч.

Какъ ни сильно говоритъ народное преданіе, но Царь Горохъ столь же достовѣренъ, какъ и Царипа-Чечевица; однако можетъ быть и дѣйствительно былъ Царь Горохъ, по крайней мѣрѣ, невозможно отвергать совершенно. Когда онъ царствовалъ? Рѣшить еще труднѣе—горохъ давно извѣстенъ. Гдѣ онъ царствовалъ?—Если царствовалъ, то въ Англии. Нашъ рубль есть рупій Восточнаго, деньга туда же смотритъ. Не однозначительно ли слово горохъ съ Англійскимъ *grog*, *грокъ* (*grog*), или съ Французскимъ *gros*, или съ Нѣмецкимъ *gross*? Въ такомъ случаѣ Царь Горохъ принадлежитъ къ позднимъ временамъ: ибо ни Серторій, ни Раурмеръ не упоминаютъ о *грокѣ* (*grog*) въ своихъ твореніяхъ о среднихъ вѣкахъ.—Вотъ что могъ сказать я.

В*). Ицелетливость индивидуальности видоизмѣняется и видообразуется одинаково въ народѣ и въ народахъ. Тамъ она матерѣе, *en gros*, здѣсь дробнѣе. Индивидуальность націи, маска или личина, воздѣтая имъ для дѣйствованія на позорищѣ свѣта, подчинена условіямъ мѣста и времени; разовьемъ же сіи условія и начнемъ со времени.

Въ утробѣ матери младенецъ только сосетъ; нѣтъ никакого движенія, артикуляція нѣмотствуетъ, о душѣ и помину нѣтъ. Душа витаетъ передъ отверстіемъ, и въ самый моментъ рожденія, наполняетъ брѣнное тѣло и дѣлаетъ оное гуманизированнымъ. Этотъ моментъ жизни не знаменуется никакимъ явленіемъ; человекъ еще не человекъ, онъ сосетъ и не предъявляетъ никакихъ требованій, довольствуясь или лучше не понимая, не зная, что такое довольствіе, что такое недовольствіе. Онъ развивается и растетъ; члены дотолѣ

*) Н. И. Надеждинъ.

недвижимые, дѣлаются палнерами, принужденно движущимися: органы формируются, и младенецъ издаетъ артикулованные звуки, междометія. Потомъ, когда внѣшній міръ скажется, скажется и человѣкъ, аукнется и душа. Тогда начнется другдружнее взаимнопроникновеніе духовнаго и вещественнаго, начнется дисгармоническій бой между младенцемъ и міромъ, который встрѣчаетъ всякаго новорожденнаго, какъ злая мачиха, сурово и враждебственно; сіе взаимнопроникновеніе созидаетъ въ своемъ развитіи тотъ архитектуронизмъ отношеній и подчиненностей, цѣлей и знаній, который заповѣданъ вѣдѣнію міра, котораго инстенситетъ и екстенситетъ можетъ быть метромъ человѣческаго знанія, человѣческаго преуспѣянія.

Первый моментъ сего быта, есть Пантеизмъ; вегикулъ, рычагъ сего момента, есть заскорузлое чувство витальности; здѣсь человѣкъ плотенъ, онъ вознѣгается костеръ восподнимающій душу горѣ всѣмъ существамъ духовнымъ и вещественнымъ, хлещетъ ощущеніями: сюда я причисляю Вишну, Кришну, Помону, Лотосъ, Изиду и проч. За симъ, какъ за предвозслѣдствіемъ, начинается другой моментъ Пантархическій; человѣкъ проглянулъ на свѣтъ Божій, вострепеталъ при первомъ возрѣніи, апоэезировалъ все имъ видимое, воскүриль оміамъ всѣмъ тварямъ. Теперь онъ познакомился, обглядѣлся и, вмѣсто апоэеоса, принялся за оцареніе: все, по его мыслительности, чревато силою, все поставлено надъ нимъ; онъ почитаетъ себя служкою всѣхъ бытій и бытодѣйствій: сюда отношу я нашего Царя Гороха.

Г*). Съ робостію начинаю я, милостивые государи, мое мнѣніе. А., почтенный по своей опытности и по своему глубокопроницанію, сказали все, что только можно сказать о столь таинственномъ, высококомъ предметѣ, каковъ Царь Горохъ, символъ безусловной давности и шутки, совключеніе всѣхъ народныхъ своеземныхъ и своевременныхъ пословиць и поговорокъ. Но я осмѣливаюсь взглянуть на это съ высшей точки зрѣнія, ориентировать идею Царя Гороха, возсоздать въ нашемъ мышленіи постепенное развитіе сего факта, говорю факта: ибо и мнѣ есть фактъ, но идеальный, въ мірѣ умственномъ, въ Философіи.

Мнѣическое сродно человѣческому духу. Видя и чувствуя явленія въ физическомъ мірѣ, человѣкъ ищетъ причины оныхъ въ природѣ, творить Демонровъ, Фебовъ, Юпитеровъ, Дриадъ, Нимфъ. Онъ олицетворяетъ силы природы: такова мнѣологія Индусовъ, Египтянъ и первобытныхъ Грековъ. Но когда прейдетъ средостремительное направленіе, когда человѣчество приблизится къ центробѣжному, когда кончится подлежательное бытіе и начнется подлежательное, тогда человѣчество проявляетъ идеи въ образахъ, отвлеченныя понятія дѣлаются Кадмами, Нумами, Тезеями, Зердустами, Гостомыслами, одинъ индивидуаль совключаетъ въ себѣ всѣ возможныя понятія, болѣе или менѣе относящіяся къ существу его. Сіе возрѣніе, преимущественно господствующее

*) Н. И. Давыдовъ.

въ Германіи, приноситъ благодѣтельные плоды въ фактическомъ и идеалистическомъ, историческомъ и философическомъ. И дѣйствительно: созданія фантазіи суть порожденія всѣхъ элементовъ дѣятельности духа и плоти, есть сосредоточиваніе всѣхъ принадлежностей жизни, религіи, философіи и домашняго быта. Человѣкъ въ младенчествѣ поэтъ, творецъ. Каждая сфера приноситъ, какъ дань, свою часть, свою природу, все сіе производится безъ всякаго сознанія: ибо въ подлежательномъ направленіи сознаніе, то есть чувствованіе индивидуальнаго свойства, самочувствіе Я еще не является и заключено въ зародышѣ, какъ растеніе въ сѣмени, какъ животное въ утробѣ. Мышленіе отправляется одинаково съ физическимъ дѣйствіемъ. И тамъ и здѣсь законы жизни одни: все имѣетъ начало, средину и конецъ; все видоизмѣняется по формѣ умозаключенія. Силлогизмъ есть норма всякой жизни; такимъ же силлогизмомъ руководствуется и юность народа, во всѣхъ своихъ отправленіяхъ, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ.—Я упомянулъ прежде объ общихъ отправленіяхъ: теперь разовью отношенія. Отношеніе, какъ всѣмъ извѣстно, есть взаимное соображеніе данныхъ, есть сопоставленіе принадлежностей, преимуществъ и всѣхъ качествъ одного даннаго съ другимъ или другими. Но всякій народъ, по высшему предопредѣленію, выражаетъ собою какую-либо сторону истины: Грекъ изящную пластическую, Римлянинъ политическую древнюю. 5508 годъ есть великій годъ въ лѣтописяхъ ума и воли и сердца человѣчества; тогда начался новый возрастъ для міра, возрастъ духовный; царство Діонисіевъ и Бахусовъ кончилось; Омиръ умолкъ и, на мѣсто Римской имперіи, явилось множество новыхъ, новыхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ народы были наследниками древности, особенно Германцы, овладѣвшіе землями непобѣдимыхъ прежде сыновъ Капитолія; они неминуемо должны были быть классическими, творили по масштабу Квинтиліановъ и Аристотелей... Должно ли упоминать, что теоріи сихъ критиковъ нынѣ недостаточны и отвергнуты. Романтизмъ побѣдоносно развѣялъ свои знамена на священныхъ стѣнахъ вселеннаго города. Для насъ наступило иное время, иныя требованія; но до сего умственнаго пробужденія въ Германіи, въ Англіи, въ Франціи, въ Россіи царствовало безусловное подражаніе.

Не такъ было въ первые вѣки Россіи. Нужно ли говорить о направленіи первобытной жизни Россіи? Отдѣленная отъ Запада и Востока Словено-Русская гармоническая дѣятельность сосредоточилась въ себѣ, развилась и повилась своими пеленами, выросла подъ своимъ небомъ, на своей почвѣ подъ тѣнію березъ покрытыхъ хлопками снѣга, въ своихъ землянкахъ, гдѣ точка замерзанія и точка плавильнаго жара раздѣлены одною стѣною, закопченою изнутри и заиндивѣвшею снаружи, подъ липами, которые даютъ мочала и лыки, въ своихъ огородахъ, гдѣ горохъ, рѣпа, лукъ и проч. Жизнь была въ высшей степени оригинальная, совершенно самостоятельная. Тогда какъ жизнь, вымысль, самая Миѳологія, на Западѣ необходимо должны были быть классическими, у насъ, въ слѣдствіе закона разьединенія, Миѳологія была романическая. Сіи два слова знаменуютъ два полюса духовной жизни... Но возвращаюсь къ начатому. И такъ Миѳологія наша должна была выбирать свои баснословія

изъ противоположной среды: тамъ—на Западъ—Небо; у насъ—Земля. Тамъ—Еѳиръ, у насъ—Горохъ. Съ этой точки зрѣнія смотрю я на Царя Гороха, и, сознаваясь въ своемъ невѣдѣніи, не могу опереться ни на одно изъ моихъ сочиненій. Я все знаю, все постигъ, все объялъ, кругъ моихъ занятій такъ разнообразенъ и прерывистъ, что отъ Греческой и Русской Азбукъ, до высшей Философіи и Маѳематики, отъ опредѣленнаго числа Алгебры, до ораторскаго числа Цицерона, постепенно составляли и составляютъ предметъ моихъ трудовъ...

Вотъ что могъ я сказать о Царѣ Горохѣ.

Д*). Терпимость, ученые мужи, всего важнѣе въ области исторіи. Выслушивая старый скептицизмъ, вычурный пустозвонизмъ и безжизненный раціонализмъ, нельзя однакоже не признать какой-либо мысли во всякой бессмысленной рѣчи. Да позволять мнѣ сказать свое мнѣніе о Царѣ Горохѣ.

Было время, когда въ литературѣ Русской господствовала аристократическая важность; профессора смѣшивали съ ученымъ; кто безъ очковъ, тотъ неучъ, кто не желтъкъ, тотъ неприлежень, кто не знаетъ Бургія, тотъ ничего не знаетъ. Кануль въ вѣчность сей вѣкъ Схоластики и Перрюкизма. Знамена новаго поколѣнія водружены на твердомъ основаніи идеи чистаго, здраваго разума. Давно ли Карамзинская сентиментальность плакала на берегахъ Патриаршихъ прудовъ? Нынѣ Патриаршіе пруды мнѣ вакхической радости. Давно ли Тагищевы и Щербатовы, Ломоносовъ, Эминъ (поэтический Эминъ, Эминъ-янычарь!), Хилковъ, Рычковъ, Карамзинъ и вся ихъ братія служили авторитетами? Нынѣ ихъ забыли, затѣрли, изгладили; мы имѣемъ и свою исторію и свою поэзію. Я не безъ умысла вычислю историковъ, минувшихъ дней лѣтописцевъ, не безъ умысла, милостивые государи! Сей предметъ близокъ къ моему сердцу, открытому для всѣхъ впечатлѣній высокаго, прекраснаго и благого, сей предметъ мой—я историкъ; съ гордымъ сознаниемъ говорю: я историкъ! Я знаю Русь, и меня знаетъ Русь! Давно ли Смотрицкіе, Добровскіе безжалостно рѣзали Славянскую грамоту? Нынѣ помыслы высокіе, мысли глубокія, ясныя, свѣтлыя носятя надъ роднымъ, колыбельнымъ языкомъ Матери-Россіи. Такъ, милостивые государи! Прешель вѣкъ безусловнаго подражанія: пѣвецъ Багрима, великомощный полетъ Державина, величайшаго лирика, который не зналъ ни правописанія, ни стихосложенія, сей полетъ очертилъ поэтический Зодіакъ, котораго не разгадать ни Юмамъ, ни Гротефельдамъ, ни Шамполіонамъ.

Національность есть типъ жизни народа, прототипъ всѣхъ созданій, мыслей и помысловъ; національность во всемъ отражается, никуда не заглядывая, національность вездѣ проявляется, нигдѣ не существуя опредѣленно. Чтò такое національность? Великое дѣло!

Съ увѣрительностію могу сказать, что я былъ ревностнымъ поборникомъ національности; отсылаю къ моимъ созданіямъ, въ нихъ дышетъ народность

*) Николай Алексѣевичъ Полевой.

Русская. И кто же творецъ сихъ созданій? Я, нигдѣ и ничему не учившійся; я, блуждавшій съ Плутархомъ по золотодонной Сибири и мечтавшій съ малыхъ ногтей быть великимъ; я, который такъ увлекательно высказываю и которымъ должна гордиться Россія; я, который перещелкалъ всѣхъ запоздалыхъ старцевъ и одинъ стою за нее на стражѣ противъ старовѣрства; я—одинъ для нея на ловлѣ Европейскаго просвѣщенія... Но кто былъ моимъ учителемъ?... Языкъ коснѣеть предъ волею Всемогущаго.

Теорія новѣйшихъ мыслителей есть зданіе великаго объема. Шеллингъ, Кузень, Лерминье, Гегель, Бюше, Вико, Нибуръ, Мишле... Вотъ мои наставники, друзья, однокорытники и товарищи! Но я не признаю ихъ ига, я не безусловно принималъ ихъ ученіе. Шеллингъ замолкъ—а духъ развивается, Кузень занялся другимъ—а умъ не останавливается... Въ нѣкоторомъ смыслѣ они отстали отъ нашего вѣка. Новое поколѣніе!... Да, Милостивые Государи! для вина новаго надобны и мѣхи новые. Основавшись на семь пунктѣ, перехожу къ Царю Гороху.

Теорія названій народныхъ заключается въ стихіяхъ самой жизни народа. Сіи стихіи, многообразныя и обширныя, сосредоточиваются въ народной поэзіи. Поэзія есть радость души—вотъ почему народныя пѣсни суть радость, хотя въ нихъ нерѣдко печаль... Но печаль, Милостивые Государи, таже радость: въ великомъ, неземномъ восхищеніи, въ поэтическомъ восторгѣ душа ваша испытуетъ истинную радость; она уединяется и бесѣдуетъ съ собою, помыслы глубокіе обнимаютъ многодумную вашу душу—такъ и въ печали. Повторяю, что печаль и радость, въ высшемъ значеніи, въ абсолютномъ—одно и тоже.

Иногда народъ называетъ предметы силою свободно-разумной воли: таковы названія аллегорическія, весь Олимпъ, недавно лишившійся всѣхъ Гораціанскихъ и Марціальныхъ прелестей; иногда онъ называетъ предметы творческой мощіи фантазіи: таковы всѣ прочія именованія. Только сіи два способа имѣютъ силу; но они развиваются, подраздѣляются и исчезаютъ, сливаясь въ національное знаменованіе. Къ сему-то второму способу развитія именованій мы должны отнести и фантастическое проименованіе Царя Гороха; говорю должны, ибо мы вывели способы изъ центра всякаго мышленія...

Сей предметъ великъ и при одномъ созерцаніи обнимаетъ въ себѣ всю сферу фантазмагорій и народныхъ повѣрій, всю сущность національности... Предоставляемъ себѣ поговорить объ этомъ въ другое, болѣе свободное время, которое, развиваясь само, разовѣетъ и помыслы глубокіе, свѣтлые, задушевные, научая человѣчество своими испытательными обломками.

Е*). Милостивые Государи! изъ всѣхъ наукъ, наука природы должна занимать первое мѣсто. Человѣкъ есть природа, и на оборотъ. Съ сихъ яснѣйшихъ и простѣйшихъ началъ я приступаю къ дальнѣйшему изложенію.

*) Павловъ (Михаилъ Григорьевичъ).

Природа есть соединеніе двухъ противоположныхъ силъ: сжимательной и расширительной, естественно предполагающихъ, по закону тройственности, третью силу, ограничивающую и уравнивающую двѣ первыя. Сія система совершенно соотвѣтствуетъ всѣмъ выводамъ, всѣмъ явленіямъ, всѣмъ причинамъ явленій, совершенно оправдываетъ всеобщее изрѣченіе: наука проста въ своихъ началахъ.

Три вышеупомянутыя силы дѣйствительны и въ философіи и въ поэзіи. Доселѣ господствуетъ совершенное разнородство во всѣхъ областяхъ ума; вездѣ Атомистическая и Динамическая системы сбиваютъ юныя познанія, какъ басня сбила философа.

Наше дѣло говорить о Царѣ Горохѣ; горохъ есть растеніе—предметъ естественныхъ наукъ описательныхъ; горохъ, пущенный изъ ружья есть сила — предметъ Механики.... Положимъ, что горохъ, или Царь Горохъ, есть явленіе—и здѣсь не моя область, и здѣсь нѣтъ предмета физики. Гдѣ же мы найдемъ его?—Но это не имѣетъ отношенія съ настоящимъ изслѣдованіемъ. Моя мысль есть слѣдующая: Царь Горохъ есть описка и замѣненіе (substitutio) другого факта. И вотъ какими путями, вѣрный тремъ силамъ, дохожу я до сего изъясненія.

Атомистики предполагаютъ всю вселенную въ видѣ шариковъ: совершенно ложно! Сіи шарики есть горохъ въ объективности или въ осуществленіи. И такъ Царь Горохъ есть понятіе Атомистическое. Изложимъ по нашей системѣ.

Предположимъ, допустимъ пустоту: вотъ демаркаціонная линія Динамической системы. Сила расширительная дѣйствуетъ—пустота расширяется, сила сжимательная дѣйствуетъ—пустота сжимается, изъ средостремленія и средобѣжанія сихъ силъ образуется третья, ограничивающая и ту и другую; и такъ произойдетъ: пустота расширяясь и сжимаясь продолжается. Теперь не трудно приложить сей способъ къ гороху: онъ сжимается и расширяется, т. е. продолжается, и естественно, что тогда изъ гороха произойдетъ или бобъ или стручекъ, слѣдовательно: Атомистическій Царь-Горохъ, по Динамической системѣ совершенно невозможенъ и долженъ преобразоваться въ Царь-Бобъ. или Царь-Стручекъ.

Такъ просты совершенныя начала, такъ легки ясныя положенія науки!

Z *). Поэтизмъ, строгая ученость и сентиментальность составляли попеременно господствующее направленіе нашего вѣка. Но какъ все это смѣшно, какъ все это странно покажется вамъ, Милостивые Государи, если вы взглянете глазами Восточной простоты! Сія Восточная простота ополчаетъ меня на оныя

*) Осипъ Ивановичъ Сенковскій.

вышепоименованныя направленія нашего времени. Скажу откровенно: кто не знаетъ, не сможетъ знать или понять сего, тотъ оно осмѣиваетъ.

Но теперь Стернская пересмѣшка въ сторону, и я изложу свое мнѣніе классически и романтически, т. е. вверхъ головою, вверхъ ногами, т. е. по уму, по смыслу и по разумѣнію—по безсмыслию.

Въ семь отношеній, прицѣпъ сіи точки за оныя категоріи, я найду слѣдующія соотвѣтствія:

1-е. Царь Горохъ по положительности, или по возрѣнію вверхъ ногами— есть фантастическое наименованіе народа; по романтизму—есть то національное созданіе головъ, которыя какъ головни въ печи, обманываютъ ваше зрѣніе, сливаясь въ радужные цвѣты; по умозрѣнію—есть то достояніе одного народа, по которому онъ различается отъ прочихъ.

2-е. По отрицательности, или по возрѣнію вверхъ головою, Царь Горохъ—есть факирь; по классицизму—есть титулярный горохъ, или Titularrath; по уму—есть Восточное иносказаніе. А соединивъ все сіе, выйдетъ оная пестрота, которую мы находимъ въ глухихъ путешествіяхъ, въ коихъ, ничего не понимая, все осмѣиваютъ.

Большаго, Милостивые Государи, отъ меня не ждите: кто не знаетъ ничего, тотъ смѣется надъ всѣмъ. Иной забавенъ потому, что онъ глупъ. Къ такому роду забавныхъ или смѣшныхъ глупостей принадлежатъ переводы таинственнаго языка Египетскихъ жрецовъ или Египетскихъ факировъ, которые соотвѣтствуютъ нашимъ... глупымъ пересмѣшникамъ, глупымъ путешественникамъ. Къ сему роду безсмысленныхъ и тупыхъ острогъ принадлежатъ выраженія; факирь, не хочешь ли табачку? Я табакъ не пью и кофею не нюхаю....

Послѣ мы пропутешествуемъ къ Царю Гороху—и вы посмѣетесь; а теперь сего объ ономъ предметѣ довольно. Можетъ быть, мы пояснимъ Царя Гороха изъ умозрительной физики, которая потому для меня смѣшна, что я ея не понимаю, или изъ іероглифовъ, которые—кто понимаетъ? (потому что я, факирь, ихъ не понимаю).

Н*). Царь Горохъ—вотъ предметъ, нечего долго и широко растабаривать, есть-ли Царь Горохъ историческій фактъ, или поэтической вымысль.—Какъ могу я произносить, скажутъ, рѣшительный приговоръ?—Господа! полно-те справляться съ метрическими книгами. Никто болѣе моего не уважаетъ святой истины; да прильнетъ языкъ къ гортани, если скажу ложь!—Что такое великій человѣкъ? Тотъ, кто въ заскорюзломъ чепанѣ придетъ и скажетъ: „Знай нашихъ“.—Что такое психологическое явленіе?—Ванька удушился, Ванька бро-

*) М. П. Погодинъ.

сился съ каменнаго моста; Степанида Полуэхтовна запарилась, подавилась... Позавидуйте имъ! Почему отвергать достовѣрность того или другого, и проч., если что-либо есть въ лѣтописяхъ, если оно не есть хитрое сплетеніе того, кто мудрствуетъ лукаво, по счастливому выраженію поэта? Чтò намъ говоритъ исторія, память Божія?—Вотъ мое средство, и всегда сравниваю: если есть подобное или сходное, то—по аналогіи, по индукціи—можетъ быть допущено. то правдоподобно. Если напримѣръ въ Ипатьевскомъ спискѣ нѣтъ слога изъ, а въ прочихъ есть, то, по моему грѣшному понятію, въ Ипатьевскомъ должно поставить слогъ изъ.—Такъ и съ Царемъ Горохомъ.

Лѣтописи среднихъ вѣковъ наполнены сказаніемъ о Попѣ-Царѣ Иванѣ. Я заключаю: лѣтописи должны быть наполнены о Царѣ Горохѣ. Нигдѣ нельзя узнать опредѣленно: когда и гдѣ царствовалъ попъ Иванъ? Иные думаютъ въ Коби, иные въ Сагарѣ—точно тоже должно полагать и о Царѣ Горохѣ. И такъ вотъ мое положеніе: попъ Иванъ царствовалъ (къ чему выдумали бы лѣтописцы?), слѣдовательно и Царь Горохъ царствовалъ.

Мы множество фактовъ, доказательствъ, примѣровъ имѣемъ: доказать оными, изъяснить темныя мѣста, развить предметъ о Царѣ Горохѣ можемъ безъ оскорбленія, и проч.

Признаюсь, мнѣ прискорбно слушать, что я такую-то книгу дурно перевелъ, скомпилавалъ, издалъ. Двѣнадцать лѣтъ и безвозмездно тружусь, аки кощей... Иногда я плачу: такъ тяжка неблагонамѣреннаго обиды! Кто помнитъ память изыскателей? Не я ли публикую, что такой-то померъ; что правнукъ такого-то человѣка у меня воспитывается; не я ли получаю благодарности во всѣхъ, или во многихъ, предисловіяхъ подъ именемъ N.N.?... Да мнѣ это, какъ къ стѣнѣ горохъ: говоря о Царѣ Горохѣ, я почитаю излишнимъ всякіи личности.—Съ гордостію повторяю: мы, Русскіе, обстроить, отопить, завалить своими лѣсами, своими водами, своимъ хлѣбомъ всю Европу можемъ! И проч. Вотъ что я могъ, ergo; мотай себѣ на усъ, и проч.

Θ*). Милостивые Государи! Мнѣ кажется подавать голосъ можетъ не всякій, иной кричитъ и невольно заставляетъ повторить слова баснописца:

„Ай моська, знать она сильна,
Коль лаеъ на слона!“

Говорить свое мнѣніе позволяется не Косичкину, не самоучкѣ, но тому, который извѣстенъ своими твореніями и котораго творенія раскупаются: ибо раскупаютъ только достойное. Кто чтò ни говори, а цѣна денежная безразлична съ цѣною критики! Но мы видимъ, что раскупаютъ и дурныя, т. е. дешевыя (чтò дешево, то гнило) творенія, въ 25 рублей рукопись. Не такіи творенія разумѣю и подъ именемъ хорошихъ: въ хорошихъ твореніяхъ должно различать фасонъ... Да, фасонъ есть тайна созданія. Я и мой товарищъ, давно

*) Оадеѣ Венедиктовичъ Булгаринъ.

соединенные узами дружбы на оболочкахъ и въ предисловіяхъ, въ изданіяхъ и критикахъ, въ барышахъ и накладахъ, мы идемъ своею дорогою и не слушаемъ всѣхъ людскихъ бредней...

Иной изъ нихъ просилъ арбуза,
Другой соленыхъ огурцовъ.

Да и кто будетъ слушать всѣ ухищренія зависти, досады, злобы за то, что насъ всѣ читаютъ и хвалятъ? Т. е. я хвалю его, а онъ хвалитъ меня. Журналистика великая наука! Въ ней правило: носи шинель по вѣтру! Гдѣ хорошо, тамъ и мы. Нѣтъ ничего глупѣе, какъ характерность. Въ литературѣ

Когда смотрѣть на всѣ людскія рѣчи,
Придется и осла взвалить себѣ на плечи.

И что за выгода? Кто васъ ругаетъ—и вы того ругайте; кричите: упалъ, исписался, chute complète!

Я и онъ, ибо мы во всемъ нераздѣльны, издавна занимаемся отечественною исторіей;... а какъ Царь Горохъ, прекрасный предметъ для романа, относится по существу своему къ предметамъ исторіи: то мы, я и онъ, осмѣливаемся предложить покупающей или читающей публикѣ слѣдующее:

Царь Горохъ есть подлежащее безъ смысла: ибо не имѣетъ своего сказуемаго; Царь Горохъ не можетъ быть предметомъ романа: ибо неизвѣстно, кто онъ и когда онъ былъ, слѣдовательно драпировка невозможна; безъ драпировки нѣтъ созданія; костюмъ и околичное описаніе: вотъ вся сущность романа. Занимаясь исторіей, и преимущественно Русскою, мы смѣемъ ласкать себя, что заслуживаемъ вниманіе публики; удостоенные ея довѣрія, выгоднаго и безцѣннаго, мы думаемъ, что и въ семъ предметѣ не измѣнимъ оному.

Царь Горохъ дѣло не рѣшенное: Grammatici certant et ad huc sub iudice lis est. Horat. (Смотри толкованіе Іосифа Ежовскаго).

Г*). Я, Милостивые Государи, ничего не знаю о почтенномъ Царѣ Горохѣ:

Но горохъ ли онъ, иль бобъ,
Царь Горохъ, иль Иванъ Пошъ,
Иль Царица Чечевица,
Или горькая горчица.

мнѣ все равно; если бы кто написалъ поэму, драму, романъ о Царѣ Горохѣ, я бы общалъ, а можетъ быть, и написать бы предисловіе. Писать предисловіе—дѣло нешуточное! Пиша предисловіе,

Я какъ бабка повиваю
И на славу выпускаю.

*) Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.

А говорить о самомъ предметѣ не мое дѣло. Я до сихъ поръ много, очень много писаю, но ничего не написалъ.—И такъ не спрашивайте меня о Царѣ Горохѣ: напишите—и просите предисловія.

К*). Велий предметъ—о Царѣ Горохѣ! Но матушка мадамъ публика не довольствуется одними восклицаніями, яко zelo простымъ вещевословіемъ. Мнѣ помнится одинъ анекдотъ, сохранившійся въ архивѣ рѣдкостей моей свекрови, получившей оный въ наслѣдство отъ бабушки своего прадѣда. Наполеонъ во время пребыванія своего въ Москвѣ осматривалъ историческія достопамятности и, смотря на одну древнюю башню, спросилъ съ нимъ бывшаго маршала: когда она построена? Сей не бѣ мужъ zelo хитръ въ наукословіи, отнесся съ вопросомъ къ бывшему при Наполеонѣ Русскому солдату, который и отвѣчалъ: а кто ѣ знаетъ! Чай при Царѣ Горохѣ. Отвѣтъ переведенъ такъ. *Mais qui le sait; le thé sous le roi Choros.* Не понимаю, сказалъ побѣдитель Европы, и раболѣпные клеветы прибѣгнули къ искуснѣйшему транслатору, который переложилъ такъ отвѣтъ Русскаго антикварія: *Mais qui le sait; je pense sous le Roi, dit le pois....* Мощный завоеватель, сей новый Александръ, улыбнулся... И если онъ улыбнулся странному переложенію, кольми паче азъ грѣшный....

Симъ бю челомъ предъ нашимъ благородненіемъ, Милостивые Государи!

*

Когда аристократы умолкли—тогда крикъ, гамъ, безолаберщина, стукотня, бѣготня, тревога... Не разслушаешь начала, середины, конца приступа, доводовъ, слѣдствій: Царь Горохъ... Миѣ тунейдства... Созданіе фантазіи... Объективность магнетическаго экстенситета... Символь... Наполеонъ Гомеопатіи... Прототипъ Руссизма въ творествѣ... Идеаль огородниковъ... Универсаль фенеановъ... Типъ народныхъ сказаній... Гальваническое возсозданіе... Трансцендентализмъ природы и идея хартіи... Типъ, прототипъ романтизма и антитипъ классицизма... И все умолкло!

Секретарь составилъ протоколъ засѣданія. Все, въ силу публицитета, было напечатано на оберточной, какъ водится, бумагѣ; разослано по всѣмъ академіямъ; расхвалено въ журналахъ; и автографъ протокола положенъ въ архивъ.

Черезъ десять лѣтъ юноша, полный жизни и новыхъ силъ, сталъ разбирать архивъ и нашель протоколъ сего чрезвычайнаго засѣданія. Онъ прочель его, улыбнулся и улыбнулся тою самодовольною улыбкою, какой умное потомство чтить бредни предковъ.

Прочтя, юноша написалъ, мелкими буквами, слѣдующія слова Горация:

Credite posteri.

—*—

*) Ушаковъ.